

Галина Тарасова

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВРЕМЕНИ

ВЕКСЛИНА

ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА

Арестована органами НКВД ТАССР 20 августа 1937 года. По Постановлению Особого Совещания НКВД СССР от 4 октября 1937г. заключена на 5 лет как член семьи изменника Родины.

Реабилитирована определением Военного Трибунала ПРИВО от 7 сентября 1956 года.

Умерла 21 марта 1965 года в г. Казани.

ВЕКСЛИНА ВАРВАРА ДМИТРИЕВНА осуждена как “жена” на 5 лет ИТЛ... Пробыла: 2 года в тюрьмах, 3г.2м. в лагере, 2г.7м. на трудовом фронте (угольные шахты, каменоломня).

Вернулась в родные края в марте 1945г. с паспортом, где была отметка: п.39 положения о паспортизации, запрещающий проживание в городах. Прожила в с. Усады Высокогорского р-на ТАССР - 11 лет до реабилитации в 1956 году.

Из биографии: родилась 9 декабря 1897г. в г. Тетюши Казанской губернии в семье кузнеца-механика. Закончила Казанскую учительскую семинарию Боратынских. Учительствовала в Тетюшском Уезде, в Тетюшах. В 1920г. мобилизована на ликвидацию неграмотности среди красноармейцев 1-й Ударной Огневой Бригады 61-й дивизии, где встретила с Векслиным Н.Б. В ноябре 1920г. они поженились. В начале 1921г. семья поселилась в Казани. Работала в детском саду з-да “Спартак”, а с 1926г. - в библиотеке Татарского Ком-

мунистического Университета (ТКУ), до марта 1937г. После ареста мужа ей было предложено уйти с работы из партшколы (в нее был преобразован ТКУ).

В ночь с 26 на 27 января 1937 года отца арестовали. Наступили дни недоуменного молчания, всеобщего страха. Каждую ночь “увозили” кого-то из соседей. Двор наш опустел, никакой ребятни. В дом к нам перестали ходить. Ни мама, ни мы не верили в виновность отца. На все попытки расспросов отвечали: разберутся ... В марте 1937г. маму вызвал директор и предложил уйти с работы “по собственному желанию”. Не веря в вину отца, имея двоих детей, она отказалась. Сил сопротивляться хватило на 2 недели. Ушла с работы. К нам вселили семью таких же бедолаг - Биктахировых. А ближе к весне “на уплотнение” к Быковым поселили нас. В тупичке, на ул. Гоголя. Мама продолжала ходить “по инстанциям”, утверждая, что ее муж не шпион и родину не продавал. И в это время - страшный пожар по соседству. Горели интендантские склады. Отключили воду (кто?). Искры, горящие головни летали кругом. Мы, все жильцы небольшого 2-этажного деревянного дома, собрались во дворе, с узлами. Через милицейское оцепление прорвалась к нам Евдокия Фроловна, преданнейший друг нашей семьи - и проходными дворами увела нас с братом к бабушке, на улицу Жуковского, 12 (впоследствии ставшей на многие годы нашим пристанищем ...). Вскоре после пожара пришла подруга мамы по учительской семинарии (преданный друг на всю жизнь) - Зоя Павловна Цветова. 18 августа она увела меня к себе на ферму в Борисово. Под предлогом - лето без дачи, страх от пожара - ребенку 10-ти лет перед школой нужно прийти в себя. Помню, с каким удовольствием я шлепала босыми ногами, утопая по щиколотку в пыльной колее. Не подозревала, что ухожу от мамы на долгие, долгие годы...

В ночь с 20 на 21 августа ее арестовали. Меня с братом отправили в детский дом. Имуущество конфисковали. Документы, труды отца, архивы, библиотека - все было уничтожено.

А мама? ... В течение двух лет она не знала, где ее дети, что с ними. Она будет сидеть на полу в углу камеры, глядя на постоянно го-

рящую лампочку, и молчать... Она не отказалась от мужа. Будет утверждать, что он невиновен. Подпишет один-единственный протокол допроса: "Вы подтверждаете, что вы жена Векслина Н-Б.З.?" - "Да." Постановление Особого Совещания ... 5 лет ИТЛ как "жена". В жизни было не совсем так ... Два года - тюрьма (Казанская, потом Свердловская и, дольше всех, Томская). По дороге в Свердловск она выбросила письмецо-записку к своей матери Фекле Петровне Тарасовой: "Мама, спасите детей ... пусть знают и любят друг друга, растут среди родных ..." Письмо до адресата не дошло. Оно и сейчас - в спецхране. Я прочитала его на выставке материалов спецхрана ... Должна сказать, что родственники мамы поступили именно так, по своему разумению. И через 4 месяца нас из детдомов забрали. Отдали нас брату мамы, Тарасову Борису Дмитриевичу, под опеку, при условии усыновления. Мы с братом так и писали: родители, Веклины, репрессированы, усыновившие нас - Тарасовы. Дядя привез нас в Казань, но вскоре передал нас сестре мамы, Тарасовой Антонине Дмитриевне, у которой мы и стали жить. Позже жили у бабушки Тарасовой в Казани на ул. Жуковского (отсюда Илюша ушел на фронт). Жила я и у Басмановых в Тетюшах.

После двух лет тюрьмы Векслина была переведена в лагерь на ст. Яя Томской ж.-д. Было там только жен - 2000. Кроме того, еще и уголовницы. Вот там-то было разрешено писать. Одно письмо в месяц. Получать разрешалось одно письмо в месяц и одну посылку, в четыре кг. весом раз в три месяца. Только в начале 1940 года мать узнала, где ее дети ...

Конвейер швейной фабрики. Рабочий день 18-час. Шьют обмундирование. О тюремно-лагерной жизни мама молчала. Иногда лишь в разговоре с подругами по несчастью прорывалась какая-то фраза: "Да, не забудешь эти 33 см. на нарах и как поворачивались с бока на бок все разом по команде". Или о конвейере: у нее была бессонница, а более молодые не выдерживали - засыпали, и, случалось, прошивали насквозь себе пальцы. Мама была старше многих. И по натуре - сильная духом. К ней тянулись, она умела поддержать, утешать.

Из письма Рудиной В.А. (жены инженер-полковника, работавше-

го в ГИДР, преподававшего в Московской артиллерийской академии) от 9 апреля 1965 года: "... я сидела в карцере при тридцати градусах мороза в помещении с оконными рамами без стекла. Дали мне пятнадцать суток с выходом на работу. Я промерзла там до мозга костей и от холода не могла спать. И вот Варенька приносила мне в цех горячую картошку (под видом кисета с табаком). Таких людей я мало встречала в жизни. Все ее уважали и любили. Да ты и сама прекрасно знаешь об этом."

В 1944г., добираясь до мамы, от случайной спутницы я услышала: "Не волнуйся, правильно едешь. Я знаю твою маму. Они живут в клубе, ходят к нам в баню мыться. Ее одну зовут по имени-отчеству - Варварой Дмитриевной."

Лагерная жизнь длилась до октября 1942 года. Их освободили и закрепили на трудовом фронте до конца войны. Расконвоировали, но документов не дали. Маму вместе с несколькими казанскими "женами" (в том числе и Пронину Марию Алексеевну) направили на угольные шахты Аджеро-Сужинска, Жили в бараке. Туда к ним приехал сын Пронина, Лева после детского дома и последующих скитаний. Лева был в одном детском доме с Илюшей (сыном В.Д.). Но нас взяли к себе родственники, а ему досталась "самостоятельность" в полной мере ... Без слез не могли вспоминать об этой встрече казанские "жены"...

Здоровье мамы сильно сдало. К этому времени уже не было папы (маме написали об этом его друзья). Медицинская комиссия рекомендовала перевести ее на более легкие поверхностные работы. На шахте такого не было. Ее направили на Баскучанский камнедробильный завод в каменоломню. Там, в июле 1944, через семь лет, вновь увидела я маму ... Не буду говорить о том, как я попала туда (это особый, довольно длинный и почти неправдоподобный рассказ - как семнадцатилетняя девчонка во время войны без пропуска добралась до Кузбасса). Меня подвели к бывшему клубу - здесь жили бывшие заключенные. Мамы не было. За ней сразу же побежали в медпункт, куда она пошла за лекарствами. Я стояла у входа. Идет толпа около двадцати человек, ведут маленькую худенькую женщи-

ну, седую, почти беззубую... Вели ее под руки, почти волокли. Она лепетала что-то невнятное ... Мы обнялись. У меня промелькнула мысль, что, если ко мне подведут любую из этих женщин, - я поверю, что это моя мама ... Так изменилась она. Только прижавшись к ней, я узнала оспинку на верхнем веке глаза ... И поняла - это моя мама. Три месяца я пробыла на Баскучане. Работала на КДЗ в стройбригаде, это был легкий труд. Дирекция завода, рабочие относились исключительно хорошо. В карьере, где работала мама, я бывала только во время аврала. Приходил ж.-д. состав, и нужно было загрузить быстро его бутовым камнем. Тогда все мы брали тачки и грузили. Камень был нужен для восстановления железных дорог на освобожденных территориях. Ну, а в карьере после взрывов кругом лежали каменные глыбы. Их разбивали на более мелкие куски и складывали в штабеля. Часть камня шла на погрузку, часть - на дробильные машины и перерабатывалась в щебенку. Вот кайлом и молотком орудовала мама, как могла... В карьере работала бригада мальчиков, ровесников Илюши, таких же детей "врагов народа". Их не отправляли на фронт. "Слухом земля полнится" - ребята знали, что у ВД погиб на фронте сын. Они приходили на мамин участок работы и разбивали большие глыбы пополам ... Начальство (мастер, бригадир) делали вид, что ничего не замечают, понимая, что труд этот был не по силам для нездоровой пожилой женщины. При первой встрече с мамой в память врезался ее "парадный" наряд (в обычные дни - спецовка - брезентовый комбинезон): старенькая трикотажная кофта и защитного цвета юбка (из кусочков размером 3 на 5 см. Это еще в лагере, где они шили гимнастерки и брюки, разрешалось брать такие обрезы).

В том же клубе-общезитии жила одна "жена", красавица 26 лет, Женя Ш. Она была больна, ходила, как неживая. В лагерь она попала из Киева девятнадцатилетней студенткой мединститута из-за мужа, комсомольского работника. Я спросила маму, почему Женя такая. И услышала ее трагическую историю. Незадолго до моего приезда она узнала о гибели всей ее семьи - матери, отца, сестры, дочери - в Бабьем Яру. И вслед за этим узнала, что ее муж был освобожден

ден еще в 1939г. Не зная судьбы жены, не желая "портить" ей жизнь, он осел в Сибири, обзавелся семьей. А о Жене - просто никто не вспомнил, и она прошла весь семилетний путь. И вот, глядя на Женю, мне сказала мама: "Видя судьбу этих девочек, я поняла, что счастлива, похоронив Тамару собственными руками ... " Тамара - это первая дочь в нашей семье, рожд.2/XII-21г., в четырехлетнем возрасте погибшая от молниеносной формы менингита. Что же нужно было увидеть матери, чтобы считать себя счастливой, похоронив дитя?! Утрата дочери, а потом и сына, были запретной темой. Слишком сильна была боль. И мама молчала. Илюшу она видела в последний раз при своем аресте. Было ему 13 лет. С 40-ого года редкие, но очень сердечные заботливые, не по возрасту взрослые письма. В 1942 году - письма с фронта. "... не посрамлю своей семьи и докажу, что я честный сын честных родителей. Мамуля, не сердись, либо я совсем не вернусь, либо вернусь с орденами". И в 1943 году, весной, - похоронка. Листочек бумаги размером 6 на 9 см: "Ваш сын, красноармеец, погиб смертью храбрых. Похоронен с отдаем воинских почестей=станция Семилуки Воронежской обл. ..."

В марте 1945 года мама приехала в Усады к тете Тоне. К тому уже времени дирекция КДЗ сама хлопотала о том, чтобы ее "открепили": в 1942г. умер муж, в 1943г. погиб на фронте сын. Да и о ее нездоровье - кипа актов. Помню, как прибежала вся в слезах почтальонша Нюра: "Галя, мама твоя едет... В телеграмме было сказано, что едет в Усады. С вечерним поездом я помчалась туда предупредить бабушку, тетю Тоню, тетю Лену... В Усадах мама прожила 11 лет, занимаясь домашним хозяйством, огородом, воспитывая племянника Андрея. Работать по специальности ей не разрешили бы, да и документы ее были уничтожены. Уже после реабилитации в 1956 году маме обменяли паспорт на обычный, без ограничительного пункта. В 1957 году нам дали жилье в Казани. И через 20 лет мы вновь стали жить семьей, но уже в половину меньшей ...

21 января 1965г. у мамы - инфаркт. 21 марта 1965г. ее не стало. Узнав о судьбе, постигшей жену и детей, отец был потрясен. И ко-

гда смог писать маме, то повторял, что невольно стал виновником ее тяжелой судьбы. Мама сберегла письма, привезла их собой. Когда я попросила прочитать эти письма - разрешила, ведь их дважды читала цензура ... Да и в лагере ... Не все "жены" получали письма. Когда дежурная приносила письма Векслина, - их прежде читали вслух, только потом отдавали маме. Мужу ВД написала: "Дорогой мой, если бы я жизнь начала сначала, то я прожила бы ее точно так же. Ты не повинен в моей судьбе, ты такая же невинная жертва".

Из письма Н.Б.З.Векслина от 9 декабря 1941 года: "Занимаясь самоанализом ... оглядываясь назад, я пришел ... к выводу, который и является подарком ко дню твоего рождения: если у меня когда-либо был настоящий друг (друг, а не только жена), то это только ты; если у меня есть хорошие дети, то этим я обязан только тебе - ты настолько крепко заложила в них хорошие основы, что ничто уже не может их морально поколебать. Спасибо за все, моя родная".

ЧТО ЖЕ СТАЛО С НАМИ, ДЕТЬМИ?

ИЛЬЯ - рождения 13/ХІІ-1923 года, был старше меня, ему было 13 лет. Он видел, как уводили отца. Он был при аресте мамы. Она велела ему идти к бабушке ("тут недалеко, за углом"), но было сказано, что "государство само позаботится о детях" ... Илюшу отправили в детский распределитель, что был в Троицком лесу. Через две недели - в детдом в г. Любим Ярославской обл. Порядка там не было. В октябре начались первые заморозки. Через разбитые окна в коридоре наметало сугробы первого снега. И казанские мальчишки решили бежать, пока Волга не стала. План был таков: воруют лодку и вниз по течению ... Добрались до Ярославля. Илья заявил, что без сестры он не побежит. Паром в Тверицы, где был "мой" детский дом, не ходил. Был уже вечер. На ночь они остались на бульваре. О том, что я в Тверицах, Илюша узнал из письма бабушки. Ночью два младших парнишки, замерзнув и проголодавшись, подошли к милиционеру и сказали, что сбежали из "детского дома для детей врагов народа". Их отправили обратно. В декабре 1937 за нами приехал дядя, Тарасов Б.Д., брат мамы. Привез нас к бабушке Тарасовой

Ф.П. в Казань. Мы пошли учиться в свою прежнюю школу №19. Дети начали нас расспрашивать, хотели знать, где мы пропадали с начала учебного года. Их родители и дирекция были недовольны этим ("травмирует детей", а по существу, просто боялись за всех ..). После разговора с директором Илюша отказался ходить в школу. Приближались зимние каникулы. Нас увезла к себе тетя Тоня, сестра мамы (зав. аптекой при Усадской участковой больнице), в Усады Высогорского р-на. После семейного совета решено было оставить нас у тети Тони. По окончании каникул Илюша пошел в седьмой класс Усадской неполно-средней школы. Весной он эту школу закончил. Илюша, не смирившись с обвинением родителей в измене родине, все время твердил об этом. Боялись, что это плохо кончится ... И для продолжения учебы его забрал к себе дядя Володя, брат мамы. Мужское воспитание да и подальше - в Удмуртию, село Сюмси. Там Илья выдержал одну зиму. Лето и начало девятого класса он прожил у другой сестры мамы - Лены, в село Приволжье Куйбышевской обл. заболел ревматизмом и, последним пароходом его привезли в Казань лечить. По выписке из больницы он заявил, что никуда больше не поедет, а будет жить с бабушкой. Будет молчать, есть одну картошку ... В любимую и близкую семью Басмановых в Тетюшах путь был "заказан" с лета 1937 года. А в Тетюшах был Юра, брат старший, все понимавший. Еще при маме летом Илюша поехал с Юрой в Тетюши. Через три дня было заседание Бюро РК комсомола и Юру, только что закончившего школу и не успевшего уехать на учебу в Ленинградский горный институт, исключили из комсомола. За связь с сыном врага. Илья вернулся в Казань. Больше в Тетюшах он не был, а мечтал, по-детски, посидеть в саду с родными, попить топленого молока и съесть кусок пирога с вишнями... Это он с фронта писал. С Юрой (троюродным братом) у них были прекрасные отношения. Юра писал Илье умные теплые письма. Илья - делился с ним своими мыслями и чувствами, очень дорожил советами Юры. Виделись они теперь только в Усадах, когда Юра, проездом в Тетюши попадал в Казань. Казанских встреч избегали... Чтобы опять не навредить...

В июне 1941 года Илья закончил Казанскую среднюю школу №24. Выпускной бал, поездка всем классом в Троицкий лес. Фотографии там ... А утром - узнали, что началась война... Илюша побежал в военкомат с заявлением об отправке на фронт. Ему отказали - сын врага. Тогда он сдает экзамен в медицинский институт и начинает учиться там. Со своим курсом роет окопы вдоль Волги. И не перестает ходить в РВК - "на фронте все мои близкие - Ив. Вас. Басманов, дядя Володя, дядя Натан". Ушел на фронт Юра, спустившись с Памира, где был на практике, ушел добровольцем, отказавшись от брони. Илья все доказывает, что его место на фронте... Еще 22 июня 1941 года, узнав о начале войны, отец пишет ему: "Благословляю тебя на честный путь воина ..." И, только в 1942 году, когда шли Сталинградские бои Илья добивается своего. 13 июля сдает экзамен, 17 июля уходит на фронт. Дома бабушки не было. Оставляет записку, отчет о том, что взял, одел ... Оставляет письма к маме и папе ... По дороге к Сталинграду, в эшелоне, его принимают в комсомол. Раньше - это было для него запретно. При штурме сталинградского вокзала его ранят в мягкие ткани левой руки (под "ласточкой" - татуировкой, "сувениром" дет. дома). Представлен к награде - ордену "Красной Звезды" - не получил... Госпиталь в Тамбове - 1.5 месяца. Снова фронт. Курская дуга. Воронеж. Красноармеец, санинструктор пулеметной роты. Редкие открытки, письма - треугольнички полные заботы и любви, серьезные не по годам... Последняя открытка от Илюши, полученная мамой, - от 18 января 1943 года, написанная его рукой. Адрес- чужой почерк.

Весной 1943 года мать (в Сибири) получает похоронку, где указано, что Илья погиб 7 февраля 1943 года. Незадолго перед тем ему исполнилось 19.

На станции Семилуки Воронежской области, в нескольких метрах от железнодорожной станции и железнодорожных путей, идущих на Курск, есть братская могила (№287). Горит вечный огонь, на мраморных досках - 31 фамилия. Среди них - кр-ц Тарасов И.Б...

Галина (рождение 7 декабря 1926 года):

18 августа 1937 года меня привели на ферму, к Цветовым. Прошло 3 дня в играх с Ниной, дочерью З.Н.(моей сверстницей, преданнейшим другом на всю жизнь). Сколько раз потом, приходила я в эту семью, прислонить голову, сколько видела любви и понимания...

Вечером 22/VIII на крыльце собрались студенты ветеринарного института, друзья старшей дочери ЗП., Галины. С гитарой, с песнями. Мы с Ниной крутились здесь же. Так хотелось быть старше. А сердце - нет-нет- да замрет. Ведь я впервые была у друзей, а не с родными, не с мамой, не с братом, не с Настей. Спали мы с Ниной в большей комнате, на диване. В час ночи я услышала голос нашей няни Насти: "Тулинька, вставай, мы поедим...". В комнате горел свет, были какие-то чужие дяденьки в черном. И - на темном фоне дверного проема спальни - безмолвная фигура матери ЗП., Анастасии Вас. - голова покрыта черным платком, руки сложены на груди, крест на крест. Я была послушным ребенком, поднялась, оделась. Вышли из дома. У крыльца стояла машина с откинутым верхом. В ней - чемодан, узел. Сели, поехали. Настя стала мне говорить, что папу выслали, мама с Илюшей уехали пароходом, а мы с ней - поездом, догоним их и все встретимся там, где папа. Доехали до перекрестка улиц К.Маркса и Гоголя. Машина остановилась. Настя вышла, сказав: "я сейчас..." и заплакала. Один из спутников взял узел (в нем была моя шуба), сунул его Насте, со словами "все равно пропадет..." Машина тронулась. Настя осталась на дороге. Остановились у клуба им. Менжинского. Я молчала, ошарашенная всем происходящим. Меня повели по лестнице на верх. Там, в фойе, на чемоданах и узлах, сидело несколько детей. Села на чемодан и я. Разговаривать нам не велели. В 5 часов утра нас подняли, погрузили в кузов грузовика. Мы поехали. Было уже светло. Вот мой д/с на площади, вот бакалея, вот наш бывший дом. Замелькали - Варваринская церковь, ТКУ, туннель, лес Троицкий.

Машина свернула налево. Показался двухэтажный красный кирпичный дом за высоким забором. Открылись и закрылись ворота. Нас ввели в дом женщины в белых халатах ("мы воспитательницы"). "Вот это спальня идите умывайтесь, потом в столовую, завтракать".

Вышла я в коридор и увидела - прижавшись к стене, стоит Илюша. Я, еще верившая в рассказанную мне байку, спросила: "А где же мама?" и услышала - "маму арестовали". Илюша передал мне наказ мамы: молчи, не спорь, когда попадешь в д/д, напиши бабушке Ф. П. где ты. В один из дней мы играли (дети же) во дворе, подходит ко мне, потом к Илюше, воспитательница и велит нам идти к забору. Не понимая в чем дело, мы с неохотой ушли со спортплощадки и вдруг услышали - нас окликают по именам. Повернувшись на шепот, увидели дырку в доске забора (выбитый сучек), а в ней глаз... Это бабушка и тетя Тоня по берегу Казанки добрались до нас. Видеться с нами было запрещено. Воспитательницы, знавшие отца по его работе в Наркомпросе и учившиеся у него, рискуя, дали возможность родным увидеть нас, передать марки и конверты. Когда через пару дней нас послали в хозяйственный двор, мы пошли безропотно, даже с надеждой... Нам было велено молчать, что бы мы не увидели. Во дворе стоял крытый фургон. Открылись ворота, фургон выехал и тут же раздался крик "стойте доски забыли". Задняя дверца фургона открылась, стали грузить две доски, а нас с Илюшей подтолкнули ближе к воротам. У самой дверцы фургона на скамьях, прижавшись к бортам, сидели наши тетушки - Тоня, Нина... Мы смотрели на родные лица. Несколько минут - дверцы захлопнулись. Ворота закрылись.

2 сентября 1937 года нас, 10 ребятишек школьного возраста (девочек и мальчиков) повезли на Дальнее Устье. Высадили у штабеля бревен. С нами были две воспитательницы и милиционер - татарин дядя Федя. Сутки мы сидели на бревнах (на пристань нас не повели) в ожидании парохода. Я могла бы с закрытыми глазами с Устья до дома ... Но воспитательницы сказали, что если мы сбежим, то их посадят. На следующий день пришел пароход и мы отправились вверх по Волге. Куда - неизвестно. Дядя Федя - милиционер брал нас, трех девочек - ровесниц (10-леток) - Наташу Б., Нину А. и меня, вел на корм, по пути купив в буфете арбуз или яблоки. Кормил, молча глядя на нас. Не велел никому говорить об этих походах. Через три дня пароход пристал в Ярославле. Нас высадили.

На пароме переплыли на левый берег. Нужно было идти км 2 до д/д, вдоль берега по песку. Дядя Федя обвешался нашими сумками, чемоданами (через плечо, в руках) и шел, окруженный нами, обливаясь слезами. Мальчики сами несли свою кладь, подошли к детскому дому, на крыльце стояла толпа малышей. Увидев нас, они принялись скакать вокруг, указывая пальцами и крича: “Врагов привезли! С милицией!”. Выбежали девочки постарше и разогнали их. Так началась детдомовская жизнь. Помня наказ мамы, брата, бабушки - я написала письмо, с адресом д/д. На почту его отнесли потихоньку детдомовские девочки. Через какое-то время я получила письмо от бабушки, а позже от Илюши. Старший брат, он с заботой, вложил в конверт маленькую выкройку, поясняя что конверт можно делать из тетрадного листа. А заклеить (если нет клея) можно разжеванным хлебом или картошкой. Что письма можно отправлять без марки - они дойдут как “доплатные” (тогда можно было выкупить письмо при получении). Бабушка прислала посылку. Мелкое печенье, конфеты - горошек, орехи кедровые и лесные - чтобы можно было оделить всех ... Посылку поставили на стол в центре спальни и пировали...

Жизнь в д/д - она была разная, и лучше и хуже. Мы попали не в лучшие времена. Незадолго до того, посадили директора д/д, бывшего офицера царской армии. Дети очень любили его. Ценили, что в дневнике у каждого (а некоторые не знали своих отца - матери) там, где “подпись родителей” он ставил собственную подпись. Увы, было несколько таких ребят, что ополчались против “вражеского влияния” ... После того директора (за 4-е месяца моего пребывания в д/д) сменилось четыре директора ... О детдоме можно было бы написать много - помнится каждый день пребывания там ... Уж очень ярко запомнились зимние вечера, когда, заперев дверь спальни на полено (замки были выломаны), мы топили печь уворованными дровами, в кружке варили супчик из (тоже украденной) картошки, смотрели на огонь и тянули песни ... Была у нас и своя песня:

На окраине, где-то в городе

Наш детдом одиноко стоит.

Крыша красная, сам он белый весь,
Так печально на город глядит.
Ребятишки в нем разных возрастов,
Но все больше 12-и лет.
Есть и мальчики, есть и девочки,
Только счастья совсем у них нет.
На окошечках, словно яблочки,
У них хлебца кусочки висят ...
Проморожены, как сухарики,
С аппетитом девчонки. и т. д. на мотив "Кирпичиков"

Ближе к моему отъезду жизнь в детдоме начала понемногу налаживаться. А в начале декабря 37 г. в спальню влетела Нюра с криком: "Талка, тебя отдают!". Почтальон принесла на имя директора телеграмму, девочки перехватили ее, прочитали, потом отдали по назначению. В телеграмме было:

"Выдать ребенка ВЕКСЛИНУ ГАЛИНУ дяде Тарасову Борису Дмитриевичу под опеку или лицу по его доверенности.

Начальник АХЧ (подпись)"

С благодарностью вспоминаю старших девочек, взявших нас троих ровесниц в свою спальню и опекавших нас. Без их заботы нам досталось бы много больше. Сами, не имевшие никого из близких, они с глубоким сочувствием относились к нам. Благодарно вспоминаю воспитательницу по труду Юлию Петровну, кастеляншу Юлию Павловну, повариху тетю Клаву ...

Через много лет, путешествуя по "Золотому Кольцу", я оказалась в Ярославле. На третий день, не выдержав, я поехала искать детдом, в Тверицы. К зданию было пристроено новое крыло. Но я узнала все: изолятор, где я лежала больная, доски пола, перила лестницы, дверь спальни ... Там уже не было д/д. Общежитие ПТУ. Мне показали комнату, где хранилась память о временах детского дома, фотографии. Я увидела фотографии казанских мальчиков, братьев Гимрановых. Из детдома они ушли на фронт и погибли. Мне рассказали, что их мать, освободившись, приехала в детдом, чтобы хоть что-то услышать о своих сынках ...

А потом - потом была жизнь, как у многих из нашего поколения.

Усады, Тетюши, Казань. Молчаливая, терпеливое ожидание писем от мамы, от папы. Позже - от братьев с фронта. Война застала меня в Тетюшах. Тяжело больная тетя Нина (у нее я жила тогда) взяла с меня клятву, что я не брошу учебу, как бы трудно мне не было ... И с 41-го года пошла череда бесконечных утрат: 41-й год - тетя Нина; 42-й год - смерть папы; 43-й год - гибель Илюши; 45-й год - гибель Юры; 46-й год - смерть бабушки Феклы Петровны. А в 1938 и 1944 годах ушли из жизни и родители папы - бабушка Ревекка и дедушка Залман. И пошло ...

Школа, институт. Работа по распределению в Ульяновской области. Снова Казань ... И, дай Бог, здесь окончить свои дни.

Добром вспоминаю всех, встретившихся на моем пути и помогавших мне выстоять в жизни, не потерять себя. Иных - я даже имен не знаю ...

Видимой причиной несчастий нашей семьи были арест и осуждение отца - Векслина Н-Б.З.

ВЕКСЛИН НОСОН-БЕР ЗАЛМАНОВИЧ

Осужден 1-го августа 1937 года
Военной Коллегией Верховного Суда СССР
по статье 58, п.8, 11, 17 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

Реабилитирован 28 июля 1956 года

Определением Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

Умер в местах лишения свободы
17 октября 1942 года (Норильский лагерь).

В Е К С Л И Н Носон-Бер Залманович - на день ареста профессор, заведующий кафедрой экономической географией Казанского Гос. Университета, заместитель Наркома Просвещения Татарской АССР, комиссар дивизии в запасе.

СТРОКИ из АВТОБИОГРАФИИ (1935 год).

“Родился в 1897 году (11 марта) в городе Двинске Витебской губернии, в семье музыканта-капельмейстера. По окончании в 1917 году гимназии, поступил в военно-медицинскую академию, где проучился год ... Ушел в Красную Армию, где и пробыл вплоть до 1925 г., побывав за это время несколько раз на фронтах, в различных должностях, от красноармейца до помначподива 51-й Перекопской ... Переведен в Казань (1921 г.), где ... возобновил учебу на медфаке КГУ ... В школах комсостава на меня было возложено преподавание географии ... я перевелся на биолого-географическое отделение Восточно-Педагогического института ... окончил в 1923 году со специальностью - география. По окончании института я был утвержден Главпрофобротом Наркомпроса РСФСР научным сотрудником КГУ по курсу “Методика географии” (24 августа 1923 года)...

С 1931 г. по настоящее время - директор Казанского Государственного Университета.

В этот период проводится большая работа по перестройке работы в ВУЗах. Годы ректорства Векслина насыщены решением многих организационных вопросов; выделение отдельных факультетов в самостоятельные ВУЗы (медицинского, финансово-экономического, химико-технологического, аэро-динамического), организован ряд НИИ. В 1932 г., в продолжении 5-и месяцев, Векслин был одновременно и ректором вновь созданного Казанского Авиационного Института. Проводится капитальный ремонт и дооборудование лабораторий КГУ (химической, астрономической обсерватории им. Энгельгардта, механической мастерской и др.). Построено общежитие студентов (ул. Гоголя 12), начато строительство химического корпуса (ул. Лобачевского), 2-го студенческого общежития. Высвобождаются помещения университета для развертывания лабораторий и т.п. Запомнились мне шумные разговоры между директором ТКУ (в ведомственной квартире которого мы жили) и отцом из-за того, что отец, став ректором КГУ не переехал в ректорский дом КГУ, не освободил жилье ТКУ. Ректорский же дом был отдан под учебное помещение в связи с организацией КАИ.

Много позже я узнал, что в 1935 г. парткомиссия ОК ВКП(б) почти полгода разбирала персональное дело коммуниста Векслина по обвинению его в связях с троцкистской организацией. Тогда дело было прекращено...

По распоряжению Наркомпроса РСФСР от 29/04-35 г. №360:
Освободить тов. Векслина Н-Б. З. от занимаемой должности ректора КГУ.

Вызов Наркомпроса РСФСР в Москву - с 19/5-35 г. по 25/6-35 г.

Назначен Зам.Наркома Просвещения ТАССР.

В КГУ Векслин остается заведующим кафедрой эконом-географии, где продолжает научную работу, готовит аспирантов.

В январе 1937 года отцу было 39 лет. В ночь с 26 на 27 января Векслин был арестован... Начался его скорбный путь...

Первые 6-ть месяцев - "Черное Озеро", пересыльная тюрьма Казани.

Однажды, находясь в камере пересыльной тюрьмы, он услышал громкие голоса в коридоре. Узнал голос своего младшего брата Исаака. Так узнал, что тот тоже арестован... Исаак погиб на Колыме в 1938 году, в возрасте 30 лет. Был врач, доцент мединститута (до ареста).

Отец не подписал ни одного протокола допросов (к 37 году у него было много учеников, были подготовлены аспиранты, он понимал, что мог "потянуть" их за собой...).

1 августа 1937 года - решение Военной Коллегии Верховного Суда СССР - 10 лет лишения свободы (для присутствия на этом "суде" - был отправлен из Казани в Москву.

С 14 августа 1937 года - 3-и месяца 20 дней - Вологодская тюрьма.

С 5 октября 1937 года - Соловецкая тюрьма. Там, на работах, отец повстречался со следователем, ведшим его дело в Казани (ставшим тоже з/к).

Из письма к жене: "... как он издевался надо мной! Показывал твои записки, говоря, что отдаст их, если я буду "вести себя хорошо". Строчки, написанные рукою жены, отец увидит только через долгих 4-е года. Когда получит письмо от В.Д. из лагеря на ст. Яя - в норильском лагере. В Соловках папа пробудет 1 год 8 месяцев.

6 августа 1939 года, на пароходе "Михаил Буденный" их отправят через Белое, Баренцево, Карское моря, через Дудинку - в поселок Норильск. Вспомнится тогда, как на первом съезде географов обсуждалось освоение Севморпути ...

В Норильск прибыли 16 августа 1939 года. Лагерная жизнь отца там длилась 3 года 2 месяца. 17 октября 1942 года - его не стало. Скончался на операционном столе (неоперабельный рак кишечника), сказал об этом хирург, оперировавший отца, выпускник медфака КГУ, тоже з/к, Родионов Владимир Евстафьевич, хирург блестящий и добрый человек.

В начале 1940 года, случайно, от женщин, пришедших по этапу из Томска, отец узнал о судьбе жены и детей... Переписка была разрешена лишь в конце 39 года и он еще не успел получить письма. Да и в условиях Заполярья переписка не могла быть регулярной.

Горькое прозрение приходит (видно из писем к жене), но это не меняет главных ценностей.

22 июня 1941 года, узнав о начале войны, отец пишет сыну:

"Дорогой мой Илька! Благословляю тебя на честный путь воина Красной Армии, будь верен своей Родине и высоко держи почетное звание красноармейца ... - помните о том, что в далекой тундре, в Заполярье, живет ваш незадачливый отец, который, вместо того, чтобы заниматься преподавательской работой или работать в рядах РКК, должен влачить существование, лишенный возможности в полной мере отдать свои силы и знания в нашей стране...".

Из рассказа Пронина Д.М.: Носон-Бер был верен себе. Одно время он работал в инж.-тех. группе (картографом). Там было питание получше, а я совсем пропадал ... Н-Б собирал с котлов остатки еды в котелок и потихоньку передавал мне в барак ...

Из рассказа Юнусова А.Б.: "... я был совсем плох. Н-БЗ заставил меня ходить в струнный оркестр: я не играл ни на каком инструменте. Он сказал мне, что у балалайки всего три струны - справишься! Через этот оркестр меня перевели писарем в инженерно-техническую группу. Это спасло мне жизнь."

В 1947 году вернулся из лагеря Пронин Д.М. Он привез нам блокнот отца, сделанный им из подручных материалов ... После смерти папы вещи его передали Дмитрию Михайловичу как наибо-

лее близкому нашей семье. Да и его жена была вместе с мамой ...
“Варенька, ты прости меня, но теплые вещи я износил: там были свитер, шлем, варежки, носки ... А блокнот я сберег”:

Еще до приезда Д.М. разыскал нас Анчури́н Н.М.- рассказывал, как они с папой в камере, чтобы не отупеть, “усовершенствовались в знании языков - английского, французского ...”

В конце 1942 года один из ссыльных Норильлага вкладывает в письмо своей жене, в лагерь на ст.Яя, записку на имя ВД - жены Векслина: “Мне очень тяжело писать эту записку ... Н-БЗ долго болел ... все откладывал операцию. Последнее время связывал срок операции с телеграммой о Вашем освобождении, очевидно, надеялся, что радость от этого сообщения даст ему силы перенести операцию ... Еще две недели назад он сидел за справочником по экономической географии и делал какие-то выборки ... От десятков людей за эти два дня я слышал разговоры о Н-Б, и все с большим сочувствием вспоминают старого ребенка, которого даже лагерь не испортил ...”

Я знала отца в детстве. Повзрослев, узнавала о нем от родных и близких. Его бывшие ученики, сослуживцы - рассказывали, каким они его знали. Позже, вчитываясь в письма к нам, его детям, в письма к маме, - я старалась понять, что наполняло его душу и разум ... Проследила пройденный им путь. До могильника-кургана под горой Шмидта в Норильске.

... И за гранью полярного круга,
Где Норильск, Соловки, Колыма,
Полегли земляки ... Их с усердием друга
Укрывала пургою седая зима ...

Много было страданий. Много было страдальцев. Среди них - и мои родители. Конечно, были они живыми людьми, со своими ошибками и грехами. Но хотелось бы, чтобы вспоминались они не страданиями, а добрыми и полезными делами, добротой, что они дарили другим. Ибо были они бескорыстны. И помыслы их были чисты.

01.03.99

Казань